

Н. М. ДЫЛЕВСКИЙ

**РУССКАЯ И УКРАИНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XVIII СТОЛЕТИЯ
И «ИСТОРИЯ ВО КРАТЦЕ О БОЛГАРСКОМ НАРОДЕ СЛАВЕНСКОМ»
СПИРИДОНА (1792)**

Изучение взаимоотношений русской литературы с другими славянскими литературами стало особенно интенсивным в советском литературоведении последнего двадцатилетия. Итоги, основные методологические принципы, дальнейшие задачи и пути исследования этих взаимоотношений нашли теоретически обоснованное освещение в программной статье П. Н. Беркова «Русская литература XVIII в. и другие славянские литературы XVIII—XX вв. (В порядке постановки вопроса о литературных контактах)».¹ Эта работа П. Н. Беркова ставит своей целью определение принципиальной позиции, которую, «по мнению автора, должны занимать исследователи литературных контактов, существовавших между русской литературой XVIII в. и другими славянскими литературами XVIII—XX вв.».²

Наши заметки, внушенные статьей П. Н. Беркова, не претендуют на полноту, но они несколько дополняют и уточняют сказанное 70 лет назад известным болгарским историком В. Н. Златарским,³ а в последнее время — советским литературоведом А. Н. Робинсоном⁴ и болгарским ученым академиком П. Н. Диневым.⁵

Еще В. Н. Златарским, подвергшим обстоятельному анализу состав и круг источников, легших в основу «Истории во кратце

¹ В кн.: Русская литература XVIII века и славянские литературы. Исследования и материалы. М.—Л., 1963, с. 5—39.

² Там же. От редакции, с. 3.

³ История во кратце о болгарском народе славенском, сочинися и списася в лето 1792 Спиридоном неросхимонахом. Стѣкми за издание В. Н. Златарски. София, 1900.

⁴ Робинсон А. Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. Вопросы литературно-исторической типологии. (Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. София, сентябрь, 1963). М., 1963.

⁵ Динев П. Н. Из истории русско-болгарских литературных связей XVI—XVIII вв. — ТОДРЛ, т. XIX, М.—Л., 1963, с. 327—329.

о болгарском народе славенском» болгарина-иеросхимонаха Спиридоном (1794), было установлено решительное воздействие на ее автора исторических сочинений в славяно-русском переводе. Среди них В. Н. Златарский ставит на первое место книгу «Деяния церковная и гражданская» Цезаря Барония (1719)⁶ и «Летопись... сказующую деяния от начала миробытия до рождества Христова...» (1784) пользовавшегося высоким авторитетом в ту эпоху церковного писателя-историка Дмитрия Ростовского (Даниила Туптало, украинского выходца).⁷ К ним следует добавить нашедшие отражение в той или иной степени или цитируемые на страницах рукописи Спиридоном сочинения XVII в., известные и в изданиях XVIII в.: «Синописис» (1680-е годы), «Пролог» (1640-е годы), «Книгу житий святых» (1689—1705 гг.) Дмитрия Ростовского, а также менее значительные произведения — «Камень соблазна» Илии Минятия (1744) и «Раи мысленный», напечатанный в 1659 г. на средства валдайского Иверско-Святоозерского монастыря.⁸ Использование автором «Истории во кратце» болгаринцем Спиридоном именно этих историографических и культовых сочинений отнюдь не было делом случайным. Оно совершенно закономерно обуславливалось исторически сложившимися причинами, сказавшимися в значительной мере на общем процессе культурно-политического возрождения болгарского народа, к которым необходимо присовокупить еще один существенный фактор. Движимый желанием составить краткую историю своего «в уничижение крайное пришедша» народа, паподобие «Истории славенболгарской» Паисия, Спиридон прежде всего должен был заняться подбором необходимых источников. Такими, разумеется, были сочинения московской и киево-печерской печати, оказавшиеся для него наиболее доступными как по возможностям их отыскания, так и, в особенности, вследствие их авторитетности и понятности их славяно-русского языка. Один из них — «Деяния церковная и гражданская» Барония — был широко использован предшественником Спиридоном — Паисием Хилендарским. Что касается «Летописи» Дмитрия Ростовского, то ее привлечение в качестве второго основного источника было внушено непрерываемым авторитетом ее автора в среде учеников и последователей возродителя славяно-русской письменности в Молдавии Паисия Величковского (1722—1794), к которым принадлежал и болгарин Спиридон.⁹

⁶ История во кратце..., с. XVII—XX.

⁷ Там же, с. XXV—XXVI.

⁸ Там же, с. XXVI—XXIX.

⁹ О Паисии и его аскетико-филологической школе см.: Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М., 1847; Яцимирский А. И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. Паисий Величковский и возрождение славянской письменности в Молдавии во второй половине XVIII века. — Сб. ОРЯС АН, т. 79, СПб., 1905, с. 515—583; Iorga N. Istoria Literaturii romine în secolul al XVII-lea (1688—1821). București, 1969, vol. II, p. 316; Istoria Bisericii Romine.

По наблюдениям В. Н. Златарского, Спиридон пользовался своим основным источником — «Деяниями» Барония (кстати сказать, изобиловавшими хронологическими и фактическими неточностями) достаточно умело. Заимствованные сведения он не вносил в свою историю бессознательно и как придется, а комбинировал их, сокращая и дополняя объяснениями и стараясь по возможности поставить их в известную связь с другим материалом, бывшим у него под рукою.¹⁰ Не принимал Спиридон и некоторых утверждений в «Летописи» Димитрия Ростовского, противоречащих его националистическим концепциям, вопреки признанию высокого научного авторитета ее составителя. Само собой понятно, что было бы исторически неоправданным ожидать от Спиридона подлинно научного отношения к имевшемуся в его распоряжении историческому материалу. Этого не позволяли ни уровень весьма примитивной методологии тогдашней болгарской историографии, ни степень подготовки самого Спиридона, который не мог опередить свое время. Он был типичным для своей среды доморощенным историографом, следовавшим в анализе, изложении и трактовке исторических фактов приемам современных ему церковных историков и вдохновляемым идеями Паисия Хилендарского.¹¹

Заслуживает быть отмеченным особо значение автора «Летописи» — Димитрия Ростовского, сыгравшего большую роль не только в оформлении исторического мировоззрения Спиридона, но и в развитии национального возрождения двух родственных славянских народов — болгарского и сербского, и отчасти румынского. Богатое и разнообразное книжное наследие Димитрия Ростовского на понятном другим православным славянам языке в непродолжительное время распространилось далеко за пределами Украины и России и сделало известным имя своего автора прежде всего в странах Балканского славянского юга. В силу закономерности сложившихся исторических обстоятельств Димитрию Ростовскому было суждено оказать существенное воздействие на оформление некоторых сторон национального сознания народов этих стран.

Имя Димитрия Ростовского как автора ряда приобретших популярность произведений, и преимущественно «Книги житий святых», в том числе и национально чтимых, славяноболгарских, стало близким, своим, окруженным ко всему прочему ореолом принадлежности к великому северному славянскому народу. Оно пользовалось всеобщим признанием и ставилось рядом с именами

Manual pentru Institutetele Teologice. Vol. II (1632—1949). București, p. 297—307; Ταχίαος Α.-Α. Ν. Ὁ Παῖσιος Βελιτακόφρασι (1722—1794) καὶ ἀσκητικοφιλολογικῆ σχολῆ τοῦ Θεσσαλονίκης, 1964.

¹⁰ История во кратце... с. XX.

¹¹ Istoria Bisericii Române, p. 172—178 и др.; Пенаков И. С. Иеромонах Кириак от Свищов (1800—1878). Един неизвестен български книжовник в Румъния. — Духовна култура, г. XXXVIII (1958), София, кн. 5—6, с. 46—49; Ταχίαος Α.-Α. Ν. Ὁ Παῖσιος Βελιτακόφρασι... , p. 27.

наиболее заслуженных деятелей отечественной истории эпохи возрождения болгарского народа. Это наше заключение находит полное подтверждение в недавно высказанной мысли Д. С. Лихачева о том, что Димитрий Ростовский был «последним писателем, который имел огромное значение для всей православной Восточной и Южной Европы».¹² В Болгарию сочинения Димитрия Ростовского стали проникать в изданиях преимущественно киево-печерских и московских и в дальнейшем получили распространение в «домашних переводах на славяноболгарский язык и в переработках (в отдельных публикациях и в периодической печати), а также имели хождение в списках и в переделках».¹³ Эти исторически сложившиеся причины, к которым присоединился и пиетет к имени и делу Димитрия Ростовского, Паисия Величковского и его окружения, были логичной предпосылкой, побудившей Спиридона остановить свой выбор на «Летописи» Димитрия в качестве одного из главнейших источников задуманной им «Истории». Второй способствующей, но уже побочной в данном выборе причиной была возможность пользования этим изданием и его наличие в книгохранилищах молдавских монастырей, и прежде всего в Нямцу, к которым Спиридон имел доступ.

К сожалению, мы не располагаем никакими конкретными сведениями об историографической деятельности Паисия Величковского и созданной им школы переводчиков святоотеческой литературы и искусных переписчиков. Судя по оставленному им книжному наследию и свидетельствам его биографии и автобиографии,¹⁴ аскетическая настроенность Паисия замыкала его интересы «возрождателя» славяно-русской традиции в Молдавии в ограниченном круге церковно-поучительной литературы. Эта ограниченная направленность книжных вкусов Паисия Величковского, естественно, не содействовала созданию интереса к разработке исторических проблем и у его учеников, в числе коих был и болгарин Спиридон. Однако принадлежность к школе Паисия, вне всякого сомнения, не могла не выработать у Спиридона влечения к книжному делу, пробудила любовь к книжным занятиям, к рукописной и старопечатной книге. Именно в этом заключается знаменательность жизненной встречи Спиридона с книголюбом и энтузиастом Величковским, подготовившей почву, на которой сформировались книжные и исторические интересы Спиридона, автора «Истории». Итак, слияние воедино двух моментов: романтико-патриотических настроений Паисия Хилендарского и пребывание в творческой атмосфере «книжного делания» школы Паисия Ве-

¹² Лихачев Д. С. В чем суть различий между древней и новой русской литературой? — Вопросы литературы, 1965, № 5, с. 174.

¹³ Дылевский Н. М. Димитрий Ростовский (Даниил Туптало) и болгарское Возрождение. (Заметки к материалам). — *Études balkaniques*. Sofia, 1966, t. 4, p. 113—139.

¹⁴ Рукописная автобиография Паисия Величковского хранится в Библиотеке Академии наук СССР (шифр 13.3.26).

личковского стало стимулом, побудившим Спиридона написать «Историю во кратце». Документальные свидетельства дают право назвать Спиридона одним из первых болгарских книжников, использовавших труды Димитрия Ростовского в своей работе.

Знакомство со вторым основным источником «Истории» Спиридона — «Летописью» Димитрия позволяет охарактеризовать ее следующим образом. Основным содержанием ее было изложение книги «Бытия» с комментариями и добавками из различных церковных писателей-компиляторов и цитат из классических авторов и отцов церкви. Кроме того, Димитрий Ростовский пользовался в «Летописи» и своими «Книгами житий», «Великими Минеями-Четьими» митрополита Макария, «Руном орошенным», «Лимонарем» Софрония Иерусалимского и Иоанна Мосха, «Прологом», «Диоптрой», сочинениями Овидия, Кедрина, Дорофея Монеувасийского, польско-литовского историографа М. Стрыйковского, киевским «Синописисом» и др.¹⁵ Нетрудно увидеть, что «Летопись» была своего рода энциклопедическим богословско-историческим сборником, предоставляющим читателю возможности богатого и разнообразного выбора и знакомства с недоступными для него сочинениями византийских и латинских авторов. Основная направленность «Летописи» была не историческая, а по преимуществу нравственная.

Спиридон пользовался «Летописью» исключительно при изложении библейских событий. Выборка фактического материала и его освещение, как уже было сказано, диктовались поставленными Спиридоном целями. Последнее полностью подтверждает мысль Г. В. Плеханова о том, что определенный народ, заимствуя что-либо у другого народа, берет только то, что соответствует его потребностям в той или иной сфере жизни, принимает только то, что необходимо для его развития.¹⁶ Сокращение и комбинирование выдержек делалось с точки зрения патриотических замыслов Спиридона. Следуя историографическим приемам Паисия Хилендарского, Спиридон стремился к возвеличению своего народа, возводя его родословную к библейскому Мосоху и входя по этому вопросу в противоречие с высоко чтимым им Димитрием Ростовским, считавшим Мосоха родоначальником лишь одних русских славян. По меткому выражению А. Н. Робинсона, «церковные авторитеты пали под ударами национально-патриотической идеологии Спиридона».¹⁷ Подобным образом он поступал и в других случаях, сообразуя со своей концепцией не совпадающие или противоречащие ей свидетельства «Летописи» и остальных своих источников.

¹⁵ Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891, с. 424—425.

¹⁶ Плеханов Г. В. Соч., т. VII. М.—Л., 1925, с. 212.

¹⁷ Робинсон А. Н. Историография славянского Возрождения... с. 121—122.

Исследователем сочинения Спиридона не может быть обойден вопрос об основных этапах творческой истории создания его труда, о его хронологических координатах, о месте его составления, о легших в его основу источниках. Последователем Паисия Величковского Спиридон, по-видимому, стал на Афоне, в одном из монастырей которого он находился. Нельзя не пожалеть, что в «Житии» Паисия Величковского очень скупо говорится о его учениках. Отмечается только, что после его прибытия на Афон из Молдавии после 1754 г. у него было восемь учеников молдаван и четыре брата славянской национальности. Однако к концу его пребывания там (перед возвращением в Валахию и Молдавию в 1763 г.) вокруг него собралось свыше 60 человек братии.¹⁸ В числе их, надо полагать, были и болгары, и среди них, вероятно, Спиридон. Имя «Спиридон» упоминается в двух письмах Паисия Величковского, написанных в Молдавии (в 1766 и 1772 гг.).¹⁹ Ссылка на них не дает категорических оснований отождествлять с упоминаемым в них Спиридоном непременно нашего — болгарина Спиридона. Однако В. Н. Златарский²⁰ и П. Н. Динеков²¹ допускают возможность видеть в нем историка Спиридона. Имя переписчика Спиридона встречается и в двух рукописях библиотеки Величковского, что отмечается П. Н. Динековым в дополнение к сказанному В. Н. Златарским.²² Никаких других более точных документальных свидетельств о Спиридоне как ученике Паисия Величковского пока не обнаружено. Но о том, что Спиридон был связан с монастырем Нямцу (и, следовательно, и Величковским), недвусмысленно говорит приписка в конце текста списка «Истории» Спиридона, сделанного в Болгарии, в Габрово, в 1819 г. Петко поп Манафовым: «Тая книга се е преписала от некоего иеромонаха най-напред, родом Габровец, именован Спиридон, в манастирь Немца в земли молдовска в лето от мира 7300 (1792, — Н. Д.), а аз я преписах в 1819 г. от истата Спиридонвата». Под нею дана вторая приписка: «Перво сочинися и списася сей летопис в земли молдовской в монастырь Немца в лето 7300».²³ В настоящее время в Болгарии известен лишь этот список «Истории» Спиридона, хранящийся в библиотеке гимназии имени В. Е. Априлова в Габрово. Другой экземпляр «Истории» попал в Россию в середине прошлого столетия и находится в Отделе рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.²⁴ Рукопись была найдена известным русским славистом А. Ф. Гильфердингом во время путешествия в земли южных сла-

¹⁸ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского, с. 42, 50.

¹⁹ Там же, с. 256 и 259.

²⁰ История во кратце..., с. VII.

²¹ Динеков П. Н. Из истории русско-болгарских литературных связей XVI—XVIII вв., с. 328.

²² Там же, с. 328.

²³ История во кратце..., с. LII.

²⁴ Там же, с. IX—X.

вян в Македонии, неподалеку от Брегалници, в 1868 г.²⁵ Летом 1898 г. ею занимался в бытность в России В. Н. Златарский, опубликовавший ее в 1900 г. в Софии. В. Н. Златарский считает, что экземпляр рукописи «Истории» Спиридона, найденный А. Ф. Гильфердингом,²⁶ не имел широкого обращения у себя на родине и был сохраняем владельцем лишь как нечто оригинальное и ценное. Действительно, наличие известных сейчас только двух экземпляров «Истории» не указывает на ее широкое распространение среди книжных людей того времени. Последнее, однако, не лишает ее значения как факта в становлении историографической науки у болгар в эпоху их возрождения, явившегося результатом интереса, пробужденного к отечественному прошлому «Историей» Паисия Хилендарского.

Анализируя «Историю» Спиридона, В. Н. Златарский приходит к выводу, что в ней использованы некоторые источники, найденные Спиридоном в книгохранилищах Афонских монастырей. Логична и его посылка о том, что мысль о составлении «Истории» в кратце» зародилась у Спиридона также на Афоне, в среде соотечественников, которые проявили интерес к историческому прошлому болгарского народа. Отсутствие исчерпывающих описаний старопечатного и рукописного собраний главнейших библиотек Афона, к сожалению, не позволяет дать точных сведений о возможном круге чтения Спиридона на Святой горе. Не располагаем мы и подробным каталогом старопечатных славянских изданий Немецкого монастыря. На основании косвенных данных можно утверждать, что оба основных источника Спиридона — «Деяния» Барония и «Летопись» Димитрия Ростовского были в библиотеке монастыря в дни пребывания там Спиридона. Об этом можно судить по тому, что «Летопись» («Cronica» в румынском переводе) и «Деяния» Барония были переведены на румынский язык в первой половине прошлого столетия в Нямцу болгаринном Кириаком, последователем Величковского.²⁷ Да и трудно допустить, чтобы в библиотеке Нямцу, собранной стараниями Величковского, украинца по национальности, не было бы книг его знаменитого земляка и учителя Димитрия Ростовского (Туптало) и других сочинений по истории славянских народов.²⁸

²⁵ О рукописи А. Ф. Гильфердинга см. подробнее в статье «Празднование тысячелетия кончины св. Кирилла, 14-го февраля 1869 г.» (Голос, 1869, № 69).

²⁶ В. Н. Златарский не называет его оригиналом.

²⁷ Пенаков И. С. Иеромонах Кириак..., с. 47—49. «Cronica» была напечатана в Немецкой типографии в 1837 г. (см.: Jonescu G. Spicuri din trecutul Tipografieї... — Nua Revista română, București, 1901, № 27, p. 109—122).

²⁸ Яцимирский А. И. Славянские и русские рукописи..., с. 554, прим. I. — Два экземпляра «Летописи» в издании XVIII в. хранятся в библиотеке Нямцу под шифрами 160 и 291. Этой справкой я обязан проф. Боню Ангелову.

Приводя доводы о месте и времени составления «Истории» Спиридоном, В. Н. Златарский не учел одного весьма важного момента, служащего хронологической вехой. Он упустил из виду, что основной источник «Истории» (наряду с Баронием) — «Летопись» вышла в свет едва в 1784 г.,²⁹ т. е. спустя более двадцати лет по приезде Спиридона в Румынию с Афона (в Нямцу Паисий перешел в 1779 г.). Сообразуясь с тем, что ссылки на «Летопись» даются уже в самом начале «Истории», приходится прийти к выводу, что она была составлена в Молдавии, в Нямцу, и притом в промежутке между 1784-м и 1792 г., считающимся годом ее завершения. На Афоне у Спиридона могла лишь возникнуть идея о составлении «Истории» и были отысканы некоторые источники (например, «Деяния» Барония и др.).³⁰ Остается единственное ни на чем не основанное предположение, что с «Летописью» Спиридон мог познакомиться по одному из списков, сделанных в большом количестве еще до появления «Истории» в печатном виде.³¹ Но факты ведут нас в другом направлении, и их нужно проверить до конца.

В конечном итоге суть дела сводится не к этому, а к констатации творческой роли импульсов и стимулов, полученных деятелями болгарского возрождения посредством славяно-русских переводов столь необходимых им книжных источников. И статью нам бы хотелось закончить словами П. Н. Беркова о том, что славяно-русскому переводу «Деяний» Цезаря Барония «выпала великая честь послужить побудительным толчком к национальному возрождению» болгарской литературы.³² В этом заключается глубокий смысл взаимных импульсов и влияний, полученных двумя родственными славянскими народами — русским и болгарским — на протяжении их векового исторического бытия.

---

²⁹ Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский..., с. 428, прим. 8.

³⁰ Аргиров Ст. Из находките ми в манастирите Хилендар и Зограф. — Списание на Българската академия на науките, кн. 63. Клон историко-филологичен. София, 1942, с. 1 и сл.; Велчев В. Отец Паисий Хилендарский и Цезарь Бароний. София, 1943, с. 19; Драгова Н. Домашни извори на «История славянобългарска». — В кн.: Паисий Хилендарски и неговата епоха (1762—1962). Сборник от изследвания по случай 200-годишнината от «История славянобългарска». София, 1962, с. 327—328.

³¹ Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский..., с. 430.

³² Берков П. Н. Русская литература XVIII в. и другие славянские литературы XVIII—XX вв. — В кн.: Русская литература XVIII века и славянские литературы, с. 18.